СЕРГЕЙ ЧЕТВЕРНИН

СЕРИЯ «8 КЛЮЧЕЙ»

СОРОК ДНЕЙ

Сергей Четвернин

Сорок дней

«Автор»
2026

Четвернин С. Е.

Сорок дней / С. Е. Четвернин — «Автор», 2026

Три брата возвращаются в Москву после девяти дней в Адлере — после смерти бабушки и события, которому каждый так и не нашёл точного объяснения.Артём снова прячется в работе, трекерах и бесконечной ленте. Макс превращает жизнь в графики, сроки и правила. Степан ищет людей, еду и шум — всё, что помогает не оставаться одному.Но впереди сороковой день, Великий пост и встречи с людьми, которых невозможно свести к задаче, показателю или удобной версии. Пост оказывается не диетой. Помощь — не правом решать за другого. А понимание ещё не означает, что ты сумеешь сделать несколько шагов и встать рядом.«Сорок дней» — вторая книга цикла «8 ключей»: современный семейно-психологический роман о трёх братьях, которые пытаются жить как раньше после того, что уже не позволяет им остаться прежними.

© Четвернин С. Е., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. АРТЁМ. РЕЖИМ ПОЛЁТА 5
Конец ознакомительного фрагмента. 9

Сергей Четвернин
Сорок дней

Глава 1. АРТЁМ. РЕЖИМ ПОЛЁТА

Артём. Рейс Адлер — Москва. Шереметьево. Поздний вечер 1 марта 2021 года.

Свет в салоне выключили через полчаса после взлёта. Остались только дежурные полоски вдоль пола и чужие экраны — три или четыре на весь салон, у тех, кто скачал кино заранее. Я ничего не скачал. Я собирался уехать из Адлера ещё в среду. Бабушка Нина умерла в первый же вечер после нашего приезда. Мы с братьями остались до девятого дня[1]. Обратно летели только сегодня.

Когда принесли ужин, я отодвинул свой контейнер и попросил чай. Степан доел свою порцию, заметил мой поднос.

— Ты будешь?

— Не хочу.

Он взял и мой. Пока ел, задел локтем стакан; поймал его уже у края столика. Я придержал поднос. Степан кивнул, не отрываясь от еды.

Позже Степан уснул у окна. Голова съехала на плечо, рот приоткрылся. Пакет с мятой он держал на коленях обеими руками, как держат кота. Макс сидел через проход. На откинутом столике лежала папка с распечатанными посадочными, которые уже никому не были нужны, а Макс что-то писал в телефоне крупными абзацами — судя по тому, как редко двигался большой палец.

Я попробовал уснуть и не смог.

Когда я повернулся, ключи в кармане куртки упёрлись в бедро. Два ключа и бирка без надписи, от калитки и от входной двери: тётя Валя вложила их мне в ладонь сегодня днём, и металл тогда был холодный. Сейчас он нагрелся в кармане. Обычный теплообмен. Перекладывать связку я всё равно не стал.

Телефон был в режиме полёта. За эту поездку на него приходило всё подряд, а отвечать я не успевал. От нечего делать я открыл браузер — офлайн. Пять вкладок висели ещё с аэропорта:

«Евангелие с чего начать читать».

«Молитва за умерших дома коротко».

«Что такое благодать простыми словами».

«Как понять волю Божию и не выдумать её».

«Поминовение усопших после девятого дня».

Заголовки были. Страниц не было. Пять вопросов и пять серых прямоугольников. Словарь за поездку появился. Языка — нет.

Из всего, что я услышал в Адлере, без проверки у меня осталась одна фраза: Бог силой не берёт. Доказательств к ней не прилагалось, и никто в Адлере не требовал от меня правильного вывода. Системы, которые я знаю, так себя не ведут. Они борются за пользователя.

На вираже что-то стукнуло внутри моего рюкзака на багажной полке. Сегодня, перед вылетом, мы открыли шкаф в пристройке Марии Семёновны — маленьким ключом с биркой, на которой бабушка написала «не раньше, чем спросят». Ключ остался у тёти Вали, в синей коробке. Шкаф — на месте. В рюкзаке лежали плоская коробка и тетрадь. В коробке — письма, фотографии, красная детская варежка с биркой «Лена». В заметках лежал московский адрес:

Таганская, дом четырнадцать, квартира тридцать восемь. Мы взяли вещи, но не знали, захочет ли Лена их получить.

Я закрыл глаза.

Сначала вспомнилась её рука поверх тёмного одеяла. Я держал бабушкины пальцы осторожно, а она сама чуть сжала мои.

Я сказал, что Макс всё организует.

— Он всегда организует, — ответила бабушка. — Не сердись на него.

— Я не сержусь.

— Не ври у моей кровати, Артёмка.

За окном стучал дождь. Я опустил глаза. Она улыбнулась — едва заметно.

Потом попросила позвать братьев.

Макс достал из тумбочки шкатулку. Бабушка открыла её сама. Крест лежал на одеяле; Макс положил руку первым, я — за ним. Металл был холодный. Степан ещё стоял у изножья.

— Я сам, — сказал он.

И накрыл наши руки своей.

Бабушка молилась: «Если воля Твоя — открой им тех, мимо кого нельзя пройти. И свободу дай не отвернуться».

Эти слова я помнил точно. Остальное приходило не по порядку: белый свет, тепло под ладонью, крест в Степановом кулаке. А потом — бабушкино лицо на подушке. Она уже молчала.

Под рёбрами начался тот самый адлерский шум. Я положил ладонь на ремень и сидел так, пока не отпустило. Правое запястье, оказывается, я тёр уже с минуту. Перестал.

За домом осталась груша — та самая, к которой Макс когда-то в детстве привязал меня верёвкой от качелей. Подпорка держала; на верёвке темнел мокрый узел. В последний вечер я спросил Макса, приедем ли весной. Он помолчал и сказал: «Да». Тем же тоном, каким назначал созвоны.

В Адлере остались Марфа и Степан Андреевич. Когда мы уходили от старика в первый раз, Макс сказал «завтра зайдём», и тот ответил: «Не обещай, если не придёшь». Вчера утром мы зашли. Ненадолго: занесли еду, проверили лампочку в коридоре — горела, — поговорили с Анной Петровной на лестнице.

Я открыл заметки, перечитал последнюю адлерскую запись до строки «Порог начался» и закрыл.

Самолёт начал снижаться. Уши заложило, потом отпустило. В иллюминаторе за Степаном появилась Москва — сначала как подсветка облаков, потом как сетка. Оранжевые линии, узлы развязок, тёмные прямоугольники парков. Сверху всё выглядело понятным.

Алёна будет встречать. Я отговаривал её ещё из Адлера. Не отговорил.

Загорелось табло ремней. Макс убрал папку, разбудил Степана — положил руку ему на плечо. Степан открыл глаза, посмотрел на мяту, убедился, что она на месте, и только потом на Макса.

— Уже? — спросил он.

— Уже.

Шасси коснулись полосы. Салон качнуло, кто-то сзади захлопал — двое, неуверенно.

Телефон поймал сеть раньше, чем самолёт дорулил до рукава.

Экран показал 23:08, понедельник, 1 марта.

Понедельник ещё не кончился.

Девять дней назад я улетал из этого же Шереметьево утренним рейсом, и Макс писал мне: «Жду у стойки регистрации». Теперь мы возвращались в него с другой стороны — ночью и втроём.

Сообщения посыпались очередью. Мама: «Позвоните, как сядете». Рабочий чат — сорок семь непрочитанных. Я прокрутил дальше. Алёна — одно: «Я на месте».

Я показал Максу мамино сообщение. Он кивнул и уже набирал — стоя в проходе, пока все доставали сумки: «Сели. Всё нормально. Утром позвоню». Три предложения.

У Степана телефон завибрировал длинно, несколько раз подряд. Он посмотрел на экран и поморщился. Я решил, что это Гарик. Читать при нас не стал. Убрал телефон в карман.

— Потом, — сказал он.

Я снял с полки рюкзак. Пакет с вареньем достал из-под переднего кресла.

***

Багаж выдавали на третьей ленте. Лента ехала пустая минут десять, и все стояли вокруг неё молча, глядя в одну точку. Первым выехал чей-то перемотанный скотчем ящик. Потом чемодан Макса. Он снял его одним движением и сразу поставил на колёсики, ручкой к выходу.

Рюкзак тянул плечо. Пакет с вареньем и письмом тёти Вали оттягивал правую руку; я переложил его в левую. Для такой ручной клади отдельного контроля ещё не придумали.

Пока ждали багаж, Степан отошёл к колонне и позвонил тёте Вале. Я услышал только:

— Сели. Да, все трое. Мята тоже.

— Коробка у тебя, — сказал Макс, не отрывая глаз от ленты.

— У меня.

— Опись сделай.

— Это не склад.

— Тем более.

Мой чемодан появился следом. У молнии осталась та самая складка ткани, с которой я возился утром в Адлере. Я поставил пакет на пол, снял чемодан с ленты и опустил на колёса. Пакет снова взял в левую руку, выдвинутую ручку чемодана — в правую.

Степан снял свой чемодан со второй попытки, чуть не уронив мяту, и мы пошли к выходу.

Двери зала прилёта открывались рывками, выпуская людей порциями. За ограждением стояли встречающие — с табличками, с цветами, один с воздушным шаром в форме цифры, которую я не успел разглядеть.

Алёна стояла без таблички, чуть в стороне от общей линии, у колонны. Куртка поверх свитера, волосы под шапкой. Она увидела меня первой — я понял это по тому, что, когда я её нашёл, она уже смотрела на меня.

Я подошёл. Остановился в шаге. Пакет был в левой руке, ручка чемодана — в правой, рюкзак висел на плече. Я не знал, что поставить первым.

Алёна решила за меня. Шагнула и обняла — поверх пакета, поверх всего. От её шапки пахло улицей и немного краской.

— Живой, — сказала она и сразу поморщилась. — Глупо прозвучало.

— Нормально.

— Нет. Но другого пока нет.

Она обняла крепче, потом отступила и посмотрела на меня.

— Ты ел сегодня? Не кофе. Еду.

— В самолёте.

— Я взяла бутерброды. Они, кажется, замёрзли в машине.

— Значит, дома разогреем.

Сзади подкатились ещё два чемодана. Я повернулся. Алёна встала рядом со мной.

— Алёна, — сказала она и протянула руку.

— Макс.

Он пожал — коротко, ровно. Посмотрел на неё чуть дольше, чем требовало знакомство, отпустил руку и поправил ручку чемодана.

— Степан, — сказал Степан. — Я бы пожал, но у меня мята.

Он приподнял пакет, как предъявляют пропуск.

— Это вместо цветов?

— Это лучше цветов. Цветы вянут, а это уже заварка.

Алёна засмеялась — коротко, по-настоящему. Степан улыбнулся и чуть опустил пакет. При следующем движении мятые листья зашуршали внутри.

— Такси через четыре минуты, — сказал Макс. — Стёпа со мной. Завтра созвон.

Он повернулся ко мне и помолчал. Я ждал про ключ — «не потеряй», что-нибудь из франшизы тёти Вали. Но Макс посмотрел на Алёну.

— Спасибо, что встретила. Он всю поездку был нужен всем сразу.

И покатил чемодан к выходу, не дожидаясь ответа.

Степан обнял меня одной рукой, второй придерживая мяту.

— До связи, брат.

— До связи.

Они ушли. Автоматические двери открылись, впустили ночь и закрылись.

***

У такси я убрал чемодан в багажник, пакет оставил при себе. В салоне Алёна не спрашивала. Смотрела в окно на пустую подсвеченную трассу, и наши плечи соприкасались на поворотах. Пакет стоял у меня в ногах.

— Тётя Валя передала тебе варенье, — сказал я. — Помнишь.

— Помню. И письмо.

— Читать при мне не обязательно.

— На конверте что-то написано?

— «Артёму не давать первым».

Получалось понятное ТЗ[2]: довезти и не читать.

Алёна посмотрела на меня. В темноте салона было не разобрать, улыбается она или нет.

— Умная женщина, — сказала она.

— Вы даже не знакомы.

— Уже знакомы. Заочно.

За окном шли сонные высотки, реклама мелькала над пустой трассой.

— У меня тоже есть новости, — сказала Алёна. — Про выставку. Но, думаю, не сегодня.

— Хорошие?

— Не сегодня, Тём.

— Зафиксировано, — сказал я.

Она усмехнулась.

У дома я достал чемодан из багажника. Лифт в нашем доме по ночам работал громче, чем днём. Я вкатил чемодан в кабину. Мы поднялись на этаж; у двери я оставил его у стены, поставил пакет на пол и полез за ключами.

Ключ не вошёл в замок.

Я надавил. Вытащил, перевернул, попробовал снова. После полуночи даже собственная дверь начинает выглядеть как вещь, которая делает это нарочно.

Потом я посмотрел на связку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.